

Новая
Проза

Алексей Брагин

росстани

РИПОД
КЛАССИК

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б87

Брагин, Алексей

Б87 Росстани / А. Брагин. — М. : РИПОЛ классик.
— 360 с. — (Новая проза).

ISBN 978-5-519-64170-8

Росстань, росстани — это перекрёстки дорог. Их ещё «крестами» в некоторых местах называли.

А потому и:

Росстани — кресты. Которые носим. И которые не-
сём.

Росстани — выбор пути.

Росстани — расставания.

Росстани — встречи.

Росстани — связь времён, пространств, судеб...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-519-64170-8

© Алексей Брагин, 2018
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

Авва Алоний говорил: «Если человек не скажет в сердце своем: „В мире я один да Бог“, — не найдет спокойствия».

Древний патерик

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Вроде и по-русски ты со мной разговариваешь, а как-то странно. Я даже не всегда понимаю, что ты хочешь сказать», — так много-много лет назад говорила мне одна моя юная питерская знакомая. Мне, семнадцатилетнему, первый раз приехавшему в Ленинград из далёкой северной провинции.

Вот и этот роман я написал на двух языках.

На русском.

И на русском.

С пониманием «первого русского» проблем, полагаю, не возникнет.

А вот с другим языком придётся помучиться. Тем более, что написана «вторая линия» романа так называемым фонематическим письмом. Что-то вроде «как говорю, так и пишу». Похожее написание встречалось в прошлые века у людей малограмотных, окончивших всего пару классов какой-нибудь сельской школы или вовсе обученных письму и чтению «на скорую руку» грамотным родственником или соседом. Например, я видел такие письма в «дневнике» начала прошлого века одного северного охотника, который он вёл на полях старой Псалтыри, одиноко живя по несколько месяцев на промысле.

В романе используются диалектные слова и выражения. В основном, это слова и выражения, взятые из белозерской и вытегорской групп вологодских диалектов, а также из несколько схожих с ними по звучанию

и смыслу каргопольского говора и заонежского диалекта. Словарик в конце книги поможет справиться с пониманием этих слов. А ещё, возможно, поможет и мой совет. НЕ ЧИТАЙТЕ «вторую линию», а — СЛУШАЙТЕ. Не глазами её воспринимайте. А — НА СЛУХ.

А можно ли было написать всё это нормальным языком? Конечно. Не вопрос. Но мне очень захотелось, чтобы вы услышали не только мой голос, но и голоса моих (ваших?) дедов и прадедов. Очень захотелось, чтобы вы услышали «прабабушкину колыбельную» в «её исполнении», а не в моём.

Есть ещё и «несовет». Не советую бежать за сюжетом по «первой линии», оставив на потом или даже совсем проигнорировав «вторую». И наоборот не делайте. Не выковыривайте «изюм» из книги. Попробуйте целиком одолеть всю «кутью». Очень связаны обе линии. В тяжёлый узел скручены. На то они и — «Росстани».

Росстань, росстани — это перекрёстки дорог. Их ещё «крестами» в некоторых местах называли.

А потому и:

Росстани — кресты. Которые носим. И которые несём.

Росстани — выбор пути.

Росстани — расставания.

Росстани — встречи.

Росстани — связь времён, пространств, судеб...

Низкий поклон моим здравствующим и ушедшим родным и близким, друзьям, знакомым и незнакомым, коллегам и пациентам — всем тем, которые прямо или косвенно стали соавторами этого произведения.

С искренним уважением к читателю,
Алексей Брагин.

ПРОЛОГ

Маленький, едва заметный крестик двух грунтовых дорог лежал на широкой груди тундры.

Крестик ритмично приподнимался и опускался.

Тундра дышала.

На тундре уже лежал снег.

Но тундра дышала.

Дыхание тундры было редким.

Дыхание тундры было спокойным.

Солнце было уже очень высоко.

Солнце было уже очень высоко не здесь.

Солнце было уже очень высоко не здесь, а где-то далеко в другом месте.

Здесь Солнце не вставало уже три недели.

Ветер гулял над тундрой легко и свободно.

Только над перекрестком ветер смущался, беспокоился и терял направление.

Никаких указателей на перекрестке не было.

Камня с надписью на перекрестке не было.

Следов ног и шин на перекрестке не было.

Только была на перекрестке крепко стоявшая на обочине невесть откуда взявшаяся здесь каменная урна для мусора.

Урна была наполнена снегом.

Поверх снега в урне лежала скомканная пачка из-под сигарет.

Поверх скомканной пачки из-под сигарет было развернуто небо.

Небо пересекал Млечный Путь.

Млечный Путь никем и ничем не пересекался.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

— Ну, а Шведову с его запросами я могу предложить вот это. — Данила посмотрел в направлении, указанном большим пальцем приподнятой левой руки профессора. Вектор уходил высоко за-над большой фаллический накрахмаленный белый колпак, стоявший на голове Анатолия Петровича Каверина.

Взгляд Дани остановился на самом верху огромной областной карты-схемы, висевшей на стене за спиной так и не повернувшегося к ней лицом главного анестезиолога области, который вслепую, но точно показывал будущие места работы новым интернам, поочередно тыча разными пальцами разных рук за свои плечи.

Крайний северный N-ский район области пересекался жирной линией Полярного круга.

Мелкие точки населенных пунктов были редки и считаются на пальцах.

Крупных кружочков не было вообще.

— И романтики, и практического опыта наш Данила Борисович там сполна получит, — явно о чем-то не договаривая, отхмыкнул Анатолий Петрович.

В восемьдесят восьмом — когда дышать, как перед смертью, стало полегче, а в состоянии Советского Союза проявились четкие признаки тяжелой некурабельной полиорганной недостаточности и прогноз для его, Союза, выздоровления представлялся крайне неблагоприятным — Даня захотел успеть по максимуму отхватить свою частичку практического и теоретического медицинского наследства, уходящего в мир иной, но еще подающего признаки жизни, государства.

«N-ский, дык, N-ский. Лесов, озер, речек, судя по карте, полно. Нарыбачусь-наохочусь. А буду единственным анестезиологом на весь район — так еще и лучше. Никто над душой стоять не будет. Хозяин — барин. Да и Левку туда же педиатром с Дашкой отправляют. Не соскучимся... »

Данила, стоя нынче с талончиками в очереди, вспоминая десятимесячной давности собрание по распределению будущих специалистов по районам, как и тогда в профессорском кабинете, привычным движением закручивает между пальцами в тонкий жгутик жесткую рыжую бородку.

Сегодня, по пути в общежитие, после сдачи выпускного для интернов экзамена и получения долгожданных «корочек» анестезиолога-реаниматолога, Данька выполняет общественное поручение — отоваривает все оставшиеся талоны на водку.

Свои. Людкины — жены своей, педиатрицы, вчерашней однокурсницы. Левкины да Дашкины — первогодней семьи первогоднего педиатра с медсестрой, распределенных в тот же N-ский район. И еще талончики нескольких отзеленевших и уже начавших профессионально созреть трех анестезиологов, двух хирургинь и даже одного патологоанатома.

Много талончиков у Данилы. Берет десяток поллитровок. Пять литров. Должно хватить на всех.

Три оставшихся талона Даня продает алкашам у магазина. На вырученное, не особо выбирая из того немногого, что есть в магазине, покупает продуктов.

Все, что можно было — и талоны, и деньги, — оприходовал.

«Последний раз вместе все гуляем. По городкам да селам разъедемся — когда еще увидимся?» — срезая путь, через придорожные кусты пробираясь к дому, Данила носом глубоко втягивает черемуховый дым, меняет в руках значительно разные по весу — один тяжелый с тарой, другой легкий с кульками — пакеты и мурлычет недавно переделанную Кукинскую «За туманом»:

«Понимаешь, это важно, очень важно,
От интерновских избавиться оков —
Превратиться из испуганных в отважных
Всемогущих поселковых докторов.

И пусть твердят друзья-подруги,
Что там серость и невзгоды,
Что там смыслом жизни станет лишь еда —
Все равно туда уедем на три года,
На четыре, а быть может навсегда...»

Общежитие для интернов — на пятом этаже психоневрологического диспансера.

Общага в диспансере — с отдельным, для проживающих в ней, боковым, исключаящим для интернов и пациентов взаимное тревоженье, входом.

Прошлой осенью очередной этап распределенных в область докторов из Питерского медицинского засе-